

Глава 7. Остров Пэнлай (7)

Плотная сетка дождевых игл соткала в воздухе мягкую, невесомую вуаль. Вершину горы Мосинь окутал густой туман; сочная, яркая зелень словно растворялась в водяной завесе, раскинувшейся между небом и землей. Осенний ветер еще не принес с собой унылого запустения — он дышал мягкой, приятной прохладой.

Сегодня был день, когда семья Цинь должна была отправиться в Поместье Чистой Святости, чтобы расторгнуть помолвку. И хотя с утра зарядил мелкий морозящий дождь, менять намеченные планы никто не стал.

В последние несколько дней Шэнь Цинчжоу засыпал только после того, как зажигал в комнате благовония Боци, укрепляющие и успокаивающие душу.

То ли странный Чжоу Фу больше не призывал его, то ли благовония действительно возымели действие, но его ночи проходили спокойно, без сновидений. На Алтарную террасу императоров он больше не возвращался.

Чэнь Линьэр помогала ему искать зацепки в библиотеке Терема Синей Птицы, но пока никаких полезных сведений обнаружить не удалось.

Ранним утром Шэнь Цинчжоу вместе с заспанным Тань Ци поспешил к Переправе Кит-рыбы на самом краю острова Мосин. Там их уже ждал духовный корабль семьи Цинь. Если всё пойдет по плану, завтра к утру они прибудут в Цзоучэн.

Глава семьи и старшая молодая мисс еще не прибыли, поэтому подниматься на борт раньше времени было неловко — они терпеливо ждали на причале.

Тань Ци доводилось плавать на огромных океанских лайнерах в «стальных джунглях» своего прежнего мира и видеть на экранах грозные авианосцы, рассекающие волны, но духовный ковчег с многоярусной палубой-пагодой он видел впервые.

Юноша с живым любопытством озирался по сторонам, как вдруг почувствовал, что кто-то тихонько потянул его за край штанины.

Опустив взгляд, он обомлел: у его ног сидел крупный зверь, похожий на дикую кошку — с рыжим телом и белой головой. Существо смотрело на него снизу вверх, и в его глазах читалось неприкрытое презрение.

Затем «кошка» аккуратно положила придушенную мышь прямо к его ногам и лапой легонько подтолкнула добычу в сторону Тань Ци.

Тань Ци так и подскочил, будто наступил на раскаленные угли. В мгновение ока он взвился на

метр от земли и с диким воплем запрыгнул за спину Шэнь Цинчжоу.

— Мышь! Братец, там мышь!

Шэнь Цинчжоу аккуратно убрал его дрожащие пальцы со своего плеча.

— Зови меня дядей-наставником, — он поднял взгляд и повысил голос: — Молодой господин Цзинчжун, ваша собака вырвалась на свободу.

Тань Ци опешил:

— А? Какая собака?

Рыжий зверь негромко мяукнул.

— Оно выглядит как кошка! Мяукает как кошка! С чего вдруг это собака?! — возопил Тань Ци на всю пристань.

— Это собака, — с самым серьезным видом возразил Шэнь Цинчжоу.

Тань Ци попытался поспорить:

— Но она ведь ловит мышей!

— Вот именно, — невозмутимо отрезал Шэнь Цинчжоу. — Собачья повадка — совать нос не в свое дело.

Пока они спорили, со стороны причала торопливо подбежал молодой человек с плетеным коробом в руках. Из приоткрытой крышки короба высунулась еще одна такая же белая усатая мордочка.

— Прошу прощения! Я решил выпустить этих проказников немного размяться перед дорогой. Думал, побегают, устанут и на корабле будут вести себя потише, — смущенно оправдывался Цинь Сышэнь. — Но стоило на миг отвернуться, как они удрали. Прости, братец, что напугал тебя.

Видя искреннее раскаяние собеседника, Тань Ци умерил свой пыл и неловко почесал затылок.

— Да ладно, ничего страшного... Ты назвал их тяньгоу?

Шэнь Цинчжоу с улыбкой пояснил:

— Именно так. Телом как дикая кошка, а голова белая — классический облик тяньгоу.

— Ну так как, братец, — весело прищурился Цинь Сышэнь, который явно слышал их недавний спор, — тяньгоу — это все-таки кошка или собака?

Тань Ци, смутившись, пробормотал:

— Ну, раз в названии есть «собака», значит, собака...

Хотя про себя он совершенно не понимал, какими соображениями руководствовались предки, давая зверю, один в один похожему на лесного кота, такое странное имя.

Цинь Сышэнь позволил крупному самцу закончить трапезу с мышью, после чего бережно, за шкуру, водворил его обратно в короб к собрату и, вежливо раскланявшись, поспешил удалиться.

Провожая взглядом удаляющуюся фигуру Цинь Сышэня, Шэнь Цинчжоу негромко сказал стоявшему рядом юноше:

— Держись от него подальше.

— А? — Тань Ци удивленно моргнул. — Ты про молодого господина Цзинчжуна? Да брось, он показался мне довольно приятным малым.

— Просто делай, что я говорю. Разве я желаю тебе зла? — Шэнь Цинчжоу негромко вздохнул. — И помни: никогда не заводи о нем разговор при главе семьи. Если же кто-то напрямую спросит твое мнение о молодом господине Цзинчжуне, отвечай коротко — «почти с ним не знаком».

— Ну... ладно, хорошо, — Тань Ци на секунду задумался, но, решив не забивать себе голову лишними интригами, покорно кивнул.

Вскоре суeta на пристани утихла. Спешащие слуги поспешно расступились в стороны, а ученики клана, перетаскивавшие тяжелые сундуки с поклажей, побросали работу и склонились в глубоком поклоне.

В конце дороги показался Цинь Жуй. Рядом с ним шла его дочь, Цинь Сыминь, а следом шествовали старейшины, главы залов и десяток вооруженных охранников. Полы их расшитых парадных одежд колыхались при каждом шаге, словно ожившие на шелке очертания древних гор и рек.

В клане Цинь чтили черный цвет, поэтому большинство его членов предпочитали глубокие темные тона. Для дальних поездок и официальных визитов все они облачались в строгие черные халаты с вышитым на груди тотемом Черной Птицы, заявляя всему миру о своем знатном происхождении.

Ученикам полагалось одно одеяние, старейшинам и главам павильонов — другое, однако при детальном рассмотрении халаты самого главы семьи и старейшин почти не отличались по крою. И здесь ключевую роль играл главный символ власти — подвеска Предка-Дракона.

Цинь Жуй носил этот нефритовый амулет на поясе. Вырезанный в форме величественного крылатого змея-инлуна, он был заметно крупнее обычных подвесок. При движении нефрит то исчезал в складках черного шелка, то вновь являлся взору, создавая иллюзию живого божественного зверя, готового взмыть в небеса и низвергнуть на землю шторм.

С прибытием главы погрузка пошла быстрее. Один за другим люди поднимались на борт. На корпусе ковчега вспыхнули резные символы древних массивов, и судно бесшумно отчалило от Переправы Кит-рыбы, выходя на чистую воду.

Тань Ци всю дорогу не сводил глаз со старшей молодой мисс.

Из разговоров с Шэнь Цинчжоу он знал, что ее зовут Цинь Сыминь, а второе имя ее — Куаньчо. Она обладала врожденным, невероятно чистым даром мечника. Старики поговаривали, что в день ее рождения тысячи клинков на острове Мосин одновременно зазвенели в ножнах, приветствуя будущую воительницу, и этот чистый гул устремился к самым небесам.

Повзрослев, Цинь Сыминь действительно превратилась в одержимую искусством меча затворницу. Казалось, за исключением трехфутового клинка у нее за спиной, весь остальной мир для нее попросту не существовал.

Шэнь Цинчжоу как-то обронил по этому поводу:

— Как сказано в Книге Песен: «Прекрасен наш благородный муж, он чист, как золото и олово, гранен, как яшма... Величествен и великодушен он!» Наш глава воспитывал дочь в строгости, словно наследника-воина, а не хрупкую девушку.

И теперь, глядя на нее, Тань Ци понимал, насколько точны были эти слова.

Цинь Сыминь стояла на палубе прямо и неподвижно. Ее брови изгибались очертаниями боевых ножей, во взгляде застыл холодный иней, а сама она казалась смертоносным клинком, лишь временно убранном в ножны.

Ее темные, бездонные зрачки резко контрастировали с белками глаз, а ее глаза были так резко и хищно раскосы, что этот пронзительный взор невольно внушал трепет.

«Пожалуй, мотивы Поместья Чистой Святости можно понять, — подумал Тань Ци. — Такой женщине место на поле боя, во главе верных легионов, а не в тишине семейного очага за вышиванием шелком».

Шэнь Цинчжоу жестом увлек Тань Ци за собой под крышу надстройки. Верхние ярусы пагоды, разумеется, предназначались для главы клана и его дочери, этажами ниже разместились старейшины, а распорядителям вроде Шэнь Цинчжоу отвели каюты в средней части судна.

Тань Ци, увязавшийся в поездку исключительно ради новых впечатлений, сгорал от нетерпения рассмотреть необычный корабль. Стоило Шэнь Цинчжоу согласно кивнуть, как парень тут же умчался исследовать палубы, только его и видели.

Духовный корабль мерно скользил по зеркальной глади воды. Когда очертания острова Мосин окончательно растворились вдаль, судно замедлило ход и замерло.

В следующее мгновение нанесенные на борта руны вспыхнули с новой силой. С тихим шелестом из корпуса выдвинулись огромные крылья из дерева и прочного холста. Из навершия центральной башни вниз скользнул полупрозрачный купол защитного барьера, за долю секунды укутав весь корабль мерцающей пеленой.

— Ого! — восторженно выдохнул Тань Ци, во все глаза глядя на это чудо инженерной мысли.

Корабль плавно оторвался от воды и устремился ввысь, словно мифическая птица Рух, несущаяся сквозь облака на северо-запад.

Благодаря барьеру пассажиры не испытывали ни малейшего дискомфорта от разреженного воздуха и ледяных высотных ветров. Тань Ци без усталости бродил по переходам всё утро и утомился только к обеду, изрядно проголодавшись.

Когда юноша вернулся в каюту, Шэнь Цинчжоу как раз закончил медитацию и открыл глаза.

— Дядя Куньюй, мы только завтра утром прилетим? — спросил Тань Ци, лениво ковыряясь палочками в тарелке. Клан Цинь взял в дорогу собственных поваров, обустроивших кухню на самом нижнем ярусе, откуда слуги разносили горячую еду прямо по каютам.

— Не ковыряйся в еде, это неприлично, — мягко упрекнул его Шэнь Цинчжоу. — Если не случится ничего непредвиденного, завтра на рассвете будем на месте.

— А если случится?

— Тогда мы вообще никогда не доберемся до Цзоучэна.

Тань Ци потер кончик носа и выдавил натянутую улыбку:

— Шуточки у тебя, дядя... Холодком повеяло.

Вдруг вспомнив еще об одном вопросе, парень полюбопытствовал:

— Послушай, дядя Куньюй, а почему ты до сих пор не женат?

— Всеу свое время, — Шэнь Цинчжоу спокойно отложил палочки для еды.

«Разве в древности люди не должны обзаводиться семьями лет в пятнадцать-шестнадцать?» — подумал Тань Ци и спросил вслух:

— А почему в вашей семье с этим так не торопятся?

Шэнь Цинчжоу ответил ровным, лишенным эмоций голосом:

— Еще при императоре Шэнсюане ведомство лекарей издало указ, согласно которому идеальный возраст для обзаведения потомством у женщин наступает около двадцати пяти лет, а у мужчин — ближе к тридцати. Великий лекарь рекомендовал простым людям не вступать в брак раньше двадцати, ну а совершенствующимся в великих кланах спешить и вовсе некуда.

Уголок рта Тань Ци мелко дрогнул. «Надо же, какое научное обоснование у этих ваших бессмертных...» — мысленно усмехнулся он.

Цинь Сыминь едва исполнилось двадцать, молодому главе поместья Мэн Сю было двадцать четыре. По меркам здешних долгожителей они считались совсем еще детьми.

Впрочем, удивляться не стоило. С эпохи династий Вэй и Цзинь в этом мире сменилось почти два тысячелетия. Прогресс не стоял на месте, а уж с помощью магии и алхимии здешние мастера могли воплотить в жизнь практически любую задумку.

Тань Ци уже привык к светильникам на духовных камнях, термопосуде, работающей на простейших начертательных массивах, а теперь вот летел на огромном универсальном корабле, способном передвигаться по воде, суше и воздуху.

Он с тихим стоном закрыл лицо ладонями. Где, спрашивается, положенное каждому приличному попаданцу чувство интеллектуального превосходства?

Если вспомнить классический арсенал любого путешественника во времени — те самые великие изобретения, — то бумага здесь была отменного качества еще со времен Поздней

Хань. Книгопечатание? Взглянув на бесчисленные свитки в Тереме Черной Птицы, Тань Ци понял, что в подвижном шрифте никто особо не нуждается. Компас? Магнитный указатель «синань» придумали еще в эпоху Сражающихся царств, и пусть он выглядел громоздко, со своей задачей справлялся отлично.

Но оставалось последнее...

Тань Ци с надеждой поднял голову:

— Дядя, а тебе знаком порох?

Шэнь Цинчжоу, собиравший посуду обратно в короб, на секунду замер.

— Порох? О чем ты?

Юноша мгновенно приободрился и выпрямил спину. Наконец-то! Похоже, этого смертоносного порошка здешняя цивилизация еще не знала, а значит, настал его звездный час!

Он солидно кашлянул в кулак и заговорил покровительственным тоном:

— Порох — это особое горючее вещество, способное взрываться от малейшей искры или пламени. Его делают из смеси селитры, серы и древесного угля...

Шэнь Цинчжоу слегка склонил голову набок, на мгновение задумавшись.

— Ты имеешь в виду... громовой порошок алхимиков?

Тань Ци поперхнулся:

— Что?.. Какой порошок?!

— Древние алхимики наткнулись на этот состав во время своих поисков пилюли бессмертия, — пояснил Шэнь Цинчжоу. — Если смешать шестнадцать долей селитры, две доли серы и три доли угля, взрыв получается наиболее мощным. А то, о чем говоришь ты...

— Нет-нет-нет! — замахал руками Тань Ци, мотая головой с такой скоростью, что его лицо почти расплылось. — Ничего! Забудь, я просто так спросил...

В каюте повисла неловкая, гнетущая тишина.

Немного погодя Тань Ци предпринял еще одну попытку спасти свое уязвленное самолюбие:

— Дядя Куньюй, а ты хоть знаешь, какую форму имеет земля под нашими ногами?

— Шарообразную, — безмятежно ответил Шэнь Цинчжоу.

Тумблер триумфа в голове Тань Ци со щелчком выключился. Он вытаращил глаза, а его лицо исказилось в такой гримасе, словно его только что бесцеремонно схватили за горло.

— Что-о-о?..

«Опять опозорился!» — мысленно простонал несчастный похититель чужих тел.

— Хотя, если быть точнее, скорее дугообразную, — добавил Шэнь Цинчжоу.

— Дугообразную?

— Будь наша земля идеальной сферой, мы могли бы вернуться в начальную точку, просто двигаясь строго в одном направлении. Однако у четырех сторон света есть свои пределы, за которыми лежит лишь первозданный хаос и бескрайняя пустота. Наш мир не плоский, но и до совершенного шара ему далеко.

Тань Ци нахмурился. Почему здешняя земля не круглая? Что это за пустота за пределами четырех великих океанов? Космическое пространство? Или этот мир вообще представляет собой не планету, а какой-то плоский осколок реальности — пространственный домен?

В голову полезли тревожные мысли о несовершенстве мироздания. «Вдруг небесный свод здесь держится на честном слове и однажды просто рухнет нам на головы?» — заволновался он, внезапно до глубины души сочувствуя глупому чудаку из древней притчи, который всю жизнь безумно боялся падения неба.

Шэнь Цинчжоу позвал слугу, отдал ему опустевший короб для еды и, поблагодарив, притворил дверь. Повернувшись, он с усмешкой посмотрел на совершенно потерянного Тань Ци.

— Не забивай голову глупостями. Лучше займись тренировкой.

Юноша торопливо закивал. И то верно — нужно практиковаться! Только став сильнее, он сможет выжить в грядущих бурях.

Оказавшись в этом теле, он быстро перенял у Шэнь Цинчжоу и Цинь Жуя основы управления духовной энергией. Внутри него спали глубокие резервы силы, бережно накопленные прежним

владельцем тела. Тот годами изнурял себя тренировками в лютый мороз и невыносимый зной, чтобы в итоге весь этот бесценный опыт достался незваному пришельцу.

Устроившись на лежавших в углу циновках для медитации, они сели друг напротив друга и погрузились в глубокое созерцание.

Сознание Шэнь Цинчжоу медленно опускалось в глубины его духовного моря, как вдруг сквозь пелену покоя проступило странное, доселе незнакомое ощущение.

Казалось, его душу бесцеремонно затянуло в некое непостижимое, древнее пространство. Разум раскололся на мириады осколков, а перед глазами вихрем закружились чуждые, пугающие символы, от которых виски сдавило невыносимой, острой болью.

Наваждение длилось лишь краткое мгновение. Боль утихла, и взор его снова прояснился.

Напротив него по-прежнему неподвижно сидел мужчина, чье строгое лицо тонуло в полумраке каюты.

— А-Чжоу, давно не виделись.

<http://bllate.org/book/18428/1771857>